

УДК 297.1

И.И. Ханмурзаев

Великий шейх Ташев-хаджи из Эндирея

*Отдел востоковедения Института истории археологии и этнографии ДНЦ РАН,
hanmurzaev@yandex.ru*

Статья посвящена одному из руководителей раннего этапа народно-освободительного движения XIX в., шейху суфийских братств накшбандийи и кадирийи Ташеву-хаджи из Эндирея. В статье освещаются его жизненный путь и творческое наследие.

Ключевые слова: *ислам, суфизм, тарикат, накшбандийа, кадирийа.*

The article is devoted to one of heads of an early stage of people's liberation movement of XIX century Tash-ev-hadzhi – the sheikh of sufi brotherhoods of nakshbandiya and kadiriya from Endirey. In article its course of life and a creative heritage are is shined.

Keywords: *Islam, Sufism, tarikat, nakshbandiya, kadiriya.*

В истории освободительного движения горцев Северного Кавказа XIX в. немало белых пятен, среди которых – личность, жизненный путь и творческое наследие Ташева-хаджи, одного из руководителей этого движения на раннем этапе, сыгравшего в нем исключительную роль.

Мы почти ничего не знаем о раннем периоде жизни Ташева, о годах его учения, учителях, о книгах, которые он читал в молодые годы. Поэтому трудно судить об источниках, под влиянием которых формировалось его мировоззрение. А между тем его поэзия и проза изобилуют цитатами из множества произведений, что свидетельствует о его широкой эрудиции в самых различных областях – богословии, суфийской литературе, истории литературы и мусульманских преданий, – которую без систематического чтения и опытных учителей приобрести было бы невозможно.

Известно, что он родился в селении Эндирей (ныне Хасавюртовский район РД), которое в тот период являлось крупным культурным и административным центром Засулакской Кумыкии. По сведениям известного путешественника Эвлия Челеби еще в XVII веке Эндирей имел «двадцать семь мечетей. Из них семь – соборные... все мечети... в хорошем состоянии... В этом городе... семь начальных школ, три медресе...» [12]. В то время Эндирей пользовался большой известностью и популярностью в регионе и считался крупным религиозным и научным центром, где обучались студенты не только из Дагестана, но и со всего Северного Кавказа. Вероятно, здесь Ташев-хаджи и получил начальное образование. В литературе встречается информация о том, что он был сыном местного бия (князя). Российские источники немногословны, когда речь идет о раннем периоде деятельности Ташева-хаджи, в них он называется лишь «беглецом Андреевской деревни».

Дагестанский востоковед Мансур Гайдарбеков указывает, что Ташев-хаджи обучался у известного дагестанского ученого Саида Араканского [4, л. 170, 171]. Должно быть, в это время он и вступил на путь суфийского братства накшбандийа-халидийа под руководством Мухаммада Ярагского. Не исключено, однако, что премудрости тариката он постигал в одно время с первым имамом Газимухаммадом.

Надо полагать, что Ташев-хаджи достигает значительных успехов в прохождении пути (*тарики*), и Мухаммад Ярагский назначает его наставником (*муришдом*) [1,

с. 234]. Он дает ему абсолютное право (*изн мутлак*) на обучение муридов и распространение суфийского пути (*тарики*) вплоть до крепости Анапа.

Завершив свое образование в середине 20-х годов XIX в., Ташев-хаджи возвращается в Эндирей. Известно, что он некоторое время исполнял обязанности сельского муллы. «В Андреевской деревне и в других кумыкских владениях некоторые муллы приняли какую-то особую секту и, называя себя шихами (угодниками), стараются распространить сие более» [2, с. 511].

Уже в марте 1830 года генерал Паскевич сообщает, что в Эндирее «замечаются многие приверженцы к принятию шариата под его (Газимухаммада) начальством» [6, с. 63]. Уже год спустя, в середине лета 1831 года, командующий войсками на Кавказской линии генерал Эмануэль сообщает в рапорте: «Все кумыки, исключая одной деревни Аксаевской, уже передались ему; жители деревни Казийюрт переселены все Казий-Муллою к Костекам» [6, с. 95].

Ташев-хаджи, судя по всему, принял самое деятельное участие в осаде Газимухаммадом крепости Внезапной в июне 1831 года. В числе осаждавших крепость Внезапную было большое количество жителей Эндирея и других окрестных сел, надо полагать, муридов Ташева-хаджи. Осада эта, впрочем, не увенчалась успехом. Судя по всему в это же время, опасаясь возмездия со стороны командования, покидает Эндирей и Ташев-хаджи со своими мюридами, совершая тем самым *хиджру*.

Первоначально он поселяется в Салатавии в селении Алмак [8, с. 84], затем переселяется в Чечню. Осенью 1832 г. в ауле Гимры погибает Газимухаммад. Вскоре после смерти Газимухаммада имамом был избран Гамзатбек. Его деятельность в этот период не давала поводов для волнения кавказского командования. Однако, как отмечает Гаммер М., в середине 1834 г., «русские отнеслись к имаму как к возрастающей угрозе, особенно после того, как к нему примкнул и признал верховенство имама индирийский кумык Хаджи-Ташо, видный военачальник у чеченцев» [5, с. 101] и стал призывать «чеченцев к общему против нас восстанию» [7, с. 96].

Вскоре, 7 сентября (19 сентября) 1834 г., в результате заговора погибает Гамзатбек, и эта смерть открывает Ташеву перспективы на имамство. Ташев не без основания высоко оценивал свои шансы возглавить мюридистское движение. В связи с этим он пишет свое известное воззвание, направленное всем мусульманам, в котором сообщает о своем намерении вернуться в Дагестан для установления норм шариата и наказания его нарушителей [11, с. 57, 58]. Текст возвания дает нам основание вслед за Закс А.Б. полагать, что он недвусмысленно обозначает себя преемником Гамзатбека.

20 сентября (2 октября) 1834 г. был созван совет, состоящий из самых почтенных лиц и ученых, для избрания нового имама Дагестана. Здесь собрался весь цвет мюридизма. Вокруг выборов разгорелась борьба, о которой в литературе, касающейся Кавказской войны, упоминается на удивление мало. Пружановский в одной из своих записок сообщает: «Мюршида муллы Магомета уже не было на свете, некому было назначить преемника Гамзату, а поэтому многие желали место имама. Но выше всех стояли два соперника: Шамиль и Ташев-хаджи. Вначале перевес сил на стороне последнего; большая часть из повиновавшихся Казий Мулле и Гамзату... приняла его сторону; при Шамиле осталось небольшое число приверженцев» [10, с. 337]. Сторону Ташева-хаджи в основном приняли большинство ветеранов освободительного движения, хорошо знавшее достоинства последнего.

О Ташеве-хаджи как о единственно серьезном сопернике Шамиля сообщает и князь Орбелиани, находившийся в 1843 г. в плену у Шамиля. «Очевидно, Ташев-хаджи, вышедший из кумыкских религиозных кругов, пользовавшийся... большим весом в горском мире, сподвижник Гази-Мухаммеда и Гамзата, имевший исключительный авторитет среди чеченцев, действительно мог представить собой опасного соперника для Шамиля» [7, с. 83]. Однако сторону Шамиля принял Джамалуддин Казикумухский, «из-

вестный в Дагестане своей ученостью, глубокомыслием и пользующийся всеобщим доверием мусульман» [10, с. 337]. В итоге имамом Дагестана был избран Шамиль.

Ташев-хаджи на первых порах открыто отказался считать Шамиля имамом и признавать за ним власть [5, с. 119]. Тем не менее, оба лидера осознавали необходимость перед лицом наступления царской армии объединить свои силы. По этой причине они вступили в переговоры, которые завершились встречей в Чиркате в феврале 1836 г., на которой Шамиль, Ташев-хаджи и Кебед Мухаммад приняли решение об объединении усилий [5, с. 122]. К числу их совместных кампаний после объединения сил относится известное сражение при Телетле.

В 1839 г. после неудачи имама при Ахульго у Шамиля оставался только один выход – отправиться в Чечню, где по сообщению Орбелиани «... в Байянах (Беной. – И.Х.) Шамиль был ласково принят Ташевом-хаджи» [7, с. 102]. С прибытием Шамиля в Чечню связан новый подъем освободительного движения. Совместно с Ташевым им был проведен ряд удачных операций. На это время приходится период расцвета имамата.

Помимо братства Накшбандийа Ташев-хаджи фигурирует в числе наставников *сил-силы* суфийского братства Кадирийа, где он указан в качестве наставника Кунты-хаджи [3, с. 57]. Об этом же пишет в своей статье Али Каяев: «Ташев-хаджи, – сообщает он, – был устазом Кунта-Хаджи, тарикат его был не накшбандийским» [8, с. 34]. Из этого следует вывод, что Ташев-хаджи имел разрешение на обучение двум видам тариката – накшбандийи и кадирийи.

Ташев-хаджи известен не только как способный военачальник, но и как автор прозаических и поэтических произведений. На сегодня известно более десятка произведений разного объема и жанра. Практически все произведения Ташева религиозного характера. В большинстве своем они написаны на арабском языке, а некоторые – на кумыкском. Работы Ташева-хаджи и комментарии к ним указывают на обширные познания автора в языке и грамматике, литературе адаба и стихосложении, истории, исламских преданиях и фикхе. Он написал книгу «Тифл ал-ма‘ан» («Дитя смыслов»), а также начал писать комментарий к ней, названный «Умм ал-хасан» («Мать благочестия»), который не успел закончить.

Произведение Ташева «Мифтах ал-асрар» («Ключ к тайнам») представляет собой трактат по суфийской космогонии. Сохранилось несколько его молитв и стихотворений. Известны также две его касыды, условно названные нами «Таиййа» и «Мимиййа». Его перу принадлежит стихотворение-назму (условно названное нами «Молитва»), в котором он пишет о тонкостях совершения молитвы, а также назму, которое он читал во время таваджуха, салаваты, мунаджжаты. Он написал комментарий к суре «Открывающая». Имеется также небольшое произведение о пяти вещах, которые приносят счастье; произведение, в котором говорится о том, что наступят времена, когда ученые не будут приносить пользу и сами будут совершать поступки, противоречащие их знаниям (где он уподобляет ученого, который поступает вопреки своим знаниям, женщине, которая совершает прелюбодеяние).

Особенно хочется отметить сочинение-послание, написанное в жанре *тарассул* (эпистолярный жанр) «Письма из отдаленных мест», направленное Ташевом Джамалуддину Казикумухскому. В нем он задает тридцать вопросов, посвященных суфийской тематике, и предлагает ответить на эти вопросы. В случае правильного ответа он обещает подчиниться духовной власти Джамалуддина, несмотря на то, что считает себя на более высокой ступени святости. Ташев-хаджи заявляет, что он видел себя на расстоянии одного локтя позади пророка Мухаммада, в то время как Джамалуддин находился в пятнадцатом ряду позади него.

Кроме произведений на арабском языке, имеется ряд его произведений на кумыкском языке – «Валиюллагъ Гъажи хариб болгъанда...» («Когда святой Хаджи подвергся страданиям...»), «Мюрютном мени, экибиз де бир ёлда болайыкъ...» («Мурид мой, да-

вай встанем на один путь...»), «Насиплилер таат кылагъан гечедир...» («Ночь, в которую счастливые заняты поклонением [Аллаху]...») и др. Из них наибольший интерес представляет первое, в котором он изложил причины, побудившие его покинуть Эндирей.

Обстоятельства последнего периода жизни Ташева противоречивы. Годом смерти его в некоторых источниках называется 1841 г. Однако этому противоречит сведение о Ташеве, датированное 6 мая 1843 года, в котором упоминается о нахождении его со своими мюридами вблизи аула Кудали [6, с. 388]. Более близкой к истине является дата, указанная в «Эндиреевской хронике», составленной, судя по всему, известным кумыкским ученым и поэтом, наибом Шамиля Идрисом-афанди. В этой хронике датой смерти Ташева-хаджи указан 1262/1845–1846 г. [9, с. 272]. Это же подтверждает запись, сделанная на рукописи комментария «Умм ал-хисан», составленного Ташевом-хаджи к сочинению «Тифл ал-ма'ан», в которой сообщается, что комментарий составлен в 1260/1844–1845 гг., из чего следует, что он в это время был жив. Следовательно, дата, указанная в «Эндиреевской хронике», наиболее достоверна. Исходя из этого, годом смерти однозначно можно указать 1262/1845–1846 гг.

Ташев-хаджи похоронен в селении Саясан (ныне Ножаюртовский район ЧР). Его усыпальница является местом паломничества не только местных жителей, но и жителей соседних республик Северного Кавказа.

Литература

1. *Акаев А.* Васи́ла ан-наджат // Тропюю Пророка: Книга 3-я / составитель, автор предисловия, транслитерации с аджама на кириллицу и комментариев Гасан Оразаев. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2010. – 440 с.
2. Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею Т. VII. – Тифлис, 1872. – С. 511.
3. *Ал-Баммади Шихаб ад-Дин.* Фурат Дагистан фи айна'и бустан. Би-л-касаид-ш-шафийа ва ал-фараид-л-кафийа ли-л-факир Шихаб ад-Дин ал-Баммади ад-Дагистани, хадим аш-шайх ал-уммийи-л-мухаммадийи Мухаммад ар-раббани. – Петровск: Типо-литогр. А.М. Михайлова (Без даты).
4. *Гайдарбеков М.* Саид Араканский // Антология дагестанских ученых. Ф. 3. Оп. 1. № 129. Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН.
5. *Гаммер М.* Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. – 512 с.
6. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века. Сб. документов. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. – 786 с.
7. *Закс А.Б.* Из истории первого периода имамата Шамиля. Ташев хаджи – наиб Шамиля: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1946.
8. *Каяев Замир-Али.* Тарикат и мюридизм в Дагестане // Советский Дагестан. – 1990. – № 4.
9. *Оразаев Г.М.-Р.* Исторические сочинения Дагестана на тюркских языках XVII – нач. XX вв. (тексты, комментарии). Кн. 1. – Махачкала: Эпоха, 2003. – 332 с.
10. *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.: РОССПЭН, 2009. – 584 с.
11. *Шарафутдинова Р.Ш.* Арабоязычные документы Северного Кавказа // Россия и арабский мир. Сб. статей. – СПб., 1994. – С. 57, 58.
12. *Челеби Э.* Книга путешествий. – М.: Наука, 1979. Вып. 2. – С. 116–117.

Поступила в редакцию 18 сентября 2011 г.